

СОЛНЦЕ ЧЮРЛИОНИСА

К девяностолетию со дня рождения
литовского художника
и композитора

ТАК ВОТ она какая, Земля Франца-Иосифа: застывшие облака, ледяные купола над водой. Край вечного безмолвия. Нехоженые места почему-то казались знакомыми: и чернильно-зеленое море, и белые горы с темными полосками у вершин. Внезапно Седов вспомнил. Он видел их на картине «Покой» литовского живописца Микалоюса Константинаса Чюрлиониса, умершего два года назад — в 1911-м. И экипаж «Фоки» назвал именем художника один из горных мысов архипелага.

ПОЧТИ все картины Чюрлиониса собраны в Художественном музее Каунаса. Удивительное чувство испытала я, стоя перед ними: радостной взволнованности жизнью, огромной творческой свободы, раскованности художника.

Передо мной дымилась сумеречная земля, почти сливающаяся с темным небом, колыхались на тоненьких ножках розоватые, как бы сконцентрировавшие в себе лучи заката, шапки одуванчиков. Мерцали над душистыми травами восходящие звезды.

Но больше всего, чаще всего встречалось солнце. Приветствуя его, ликовали травы, деревья, животные, люди. Открывалась навстречу животворящим лучам сама земля. Все сливалось в едином потоке жизни.

У кого учился Чюрлионис? В одном из писем я прочитала: «Неизгладимые впечатления, впечатления на всю жизнь — это... Ван Дейк, Рембрандт, Беклин, ну и Веласкез, Рубенс, Тициан, Гольбейн».

Но он непохож ни на кого. Он так необычен, что принять его картины сразу трудно. Посетители музея подолгу молча стоят возле них, задумавшись, следят за мечтой художника — сиянием человеческой мысли, потоками льющейся из глаз, мощными стрелами рвущейся в космос.

«А что же...» — говорил по этому поводу Горький. — Разве романтике и места нет в реализме? Значит, пластика, ритм, музыкальность и тому подобное совсем не нужны реалистической живописи? Мне Чюрлионис нравится тем, что он заставляет меня задумываться, как литератора.

ДРУСКИНИНКАЙ, маленький зеленый горный родок, где вырос Чюрлионис, окружен сосновыми лесами. Войди в них вечером — и, кажется, увидишь «Музыку леса»: в густых сумерках исполинская рука перебирает струны сосен.

С самого раннего детства (его отец был органистом) музыка значила для него не меньше, чем живопись.

Музыкальное училище в Плунге, классы органа и композиции в Высшей музыкальной школе в Варшаве, консерватория в Лейпциге — вехи его жизненного пути. Занятия контрапунктом, техникой инструментовки, увлечение Вагом, Бетховеном, Р. Штраусом. Затем возвращение на родину, в океан песен южных литовцев — дзуков. Вслушиваясь в них, Чюрлионис обретает уверенность: создавать «настоящую музыку литовского народа» можно, лишь опираясь на национальные традиции.

Он проводит первый в Литве конкурс композиторов, организует народный хор, собирает и аранжирует песни, находит в фольклоре сюжет для оперы — легенду о любви отважного рыбака к морской царевне. Его мечта — создать «симфонию, навеянную шумом волн, загадочной речью дремучего леса».

Таким произведением стала симфоническая поэма «Море» (Чюрлионис работал над ней три года). Недаром ее включили в программу концерта III съезда литовских советских композиторов.

ОБ АНАЛОГИИ между семью цветами солнечного спектра и семью тонами музыкальной гаммы знали еще Леонардо да Винчи и Ньютон. В XVII веке немецкий философ Эккартсгаузен сделал попытку переложить в цветовые сочетания несколько немецких песен. Соединить в восприятии человека звук и цвет стремился русский композитор Скрябин.

Но, пожалуй, только Чюрлионис попытался передать музыку живописью.

Многие его картины называются «фугами», «сонатами» и построены по законам музыкальной классики. Аллегро «Сонаты моря» — медленное плавное развитие темы — светлая гармония покоя; анданте — легкий переливчатый ритм воздушных пузырьков; наконец, финал — неудержимая лавина грозного девятого вала.

Чюрлионис не заменял ноты цветовыми пятнами. Нет. Воспринимая мир как гармонию цветов и звуков, он стремился передать в красочных образах свое чувство ритма, симфонизма природы. И «Соната весны» запомнилась мне не точностью композиционного рисунка, но явственной мелодичностью взмахов крыльев ласточек, рассекающих прозрачную хрупкость весеннего воздуха, ощущением тепла и извечной животворной силы пробуждающейся жизни.

«Трудно выразить, как взволнован я этим замечательным искусством, которое обогатило не только живопись, но и расширило наш кругозор в области полифонии и музыкальной ритмики», — писал Ромен Роллан, называя Чюрлиониса «Христофором Колумбом» «нового духовного континента».

ВЕРНЫЕ друзья — книги есть у каждого человека. У Чюрлиониса такими были Рабиндранат Тагор, Достоевский, Пушкин, Мицкевич. Навсегда в его память врезались строки: «Отчизна милая, Литва, ты, как здоровье...»

Письма Чюрлиониса из-за границы — это постоянное поэтическое воспоминание о родине: о зеленых холмах, светлых песках, чистых водах Немана.

Воспитанный на польской и немецкой культуре, он твердо решает в 1906 году «все свои теперешние и будущие работы посвятить Литве», работает упорно, самозабвенно, «без оглядки, без передышки», пишет статьи по вопросам искусства, объезжает страну в поисках народных художественных промыслов, организует первую выставку.

Я долго вслушивалась в музыку Чюрлиониса, всматривалась в его картины. Да, все в них от Литвы: и тихие широкие аккорды, «такие тихие и широкие, как тихо и широко гудение литовских сосен», и зеленые купы деревьев, и крылья деревянных мельниц, и бурные весенние воды, и нежная голубизна небес.

Недаром одним из первых постановлений временной революционной власти рабочей и крестьянской бедноты Литвы было постановление о национализации его произведений: «Все художественные, музыкальные, литературные произведения Чюрлиониса, независимо от того, в чьих руках они находятся, передаются трудящимся Литвы...»

...В Каунасе висит картина Чюрлиониса «Похороны». Поникшие, сгорбившиеся от горя люди несут гроб, а навстречу им, на горизонте, как символ общечеловеческого бессмертия, встает огромное, исполинской жизнеутверждающей силы солнце.

Перед этой картиной я думала о короткой и напряженной, полной творческих исканий жизни художника-патриота, о его подлинной человечности. («Человек должен быть все чувствующим, все понимающим, страстным к правде, добру и красоте», — писал он). Уезжая в Москву, я увозила с собой любимый образ литовского фольклора, любимый образ замечательного литовского художника — пламенеющее солнце.

О. ВОРОНОВА.

«Новомосковский Провод»
г. МОСКВА

23 СЕН 1965